

Театръ и музыка.

Александринскій театръ.

Талантливый авторъ многихъ прекрасныхъ рассказовъ, г. Чеховъ написалъ неудачную комедию «Чайка», которая, игранная вчера въ первый разъ, никакого успѣха не имѣла. Конечно, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что изъ подъ пера даровитаго писателя выскользнуло неудовлетворительное произведеніе. У всякаго могутъ быть подобнаго рода случайности. Но удивительно, что такое произведеніе нашло себѣ дорогу на Александринскую сцену. И опытные друзья г. Чехова могли его отговорить отъ постановки пьесы, да, наконецъ, и театально-литературный комитетъ, коль скоро онъ существуетъ, могъ отнестись съ большимъ уваженіемъ къ имени г. Чехова и отклонить «Чайку». Вчерашнее представленіе не могло доставить удовольствія ни автору, ни его друзьямъ, ни его искреннимъ поклонникамъ, къ числу которыхъ принадлежу и я. Мнѣ очень жаль, что пьеса оказалась плоха, но еще болѣе удручаетъ меня то, что на всемъ этомъ произведеніи лежитъ траурный отпечатокъ болѣзненности и отрѣшенія отъ здраваго взгляда на жизнь и на искусство, отпечатокъ декадентства. Противно писать это противное слово, которое до сихъ поръ, приходилось у насъ произносить лишь въ связи съ именами бездарныхъ личностей. Тяжело видѣть, что зараза можетъ коснуться и лучшихъ представителей нашей современной литературы. То, что мы признавали только смѣшнымъ и жалкимъ, оказалось опаснымъ зломъ. При современной скудости талантовъ, большого удара намъ въ литературѣ нельзя было нанести, какъ испортилъ дарованіе г. Чехова. Если это былъ съ его стороны опытъ, будемъ надѣяться, что рѣзкій неуспѣхъ докажетъ ему ошибочность такого рода попытокъ. Будемъ надѣяться, что публика забудетъ «Чайку», что «Чайка» затеряется въ ряду будущихъ произведеній г. Чехова, подобно тому, какъ она должна была затеряться среди его ненужныхъ бумагъ. Грѣхъ со всякимъ случиться можетъ, и никто, надѣюсь, не пожелаетъ, изъ-за одной ошибки, хотя бы и крупной, свести г. Чехова съ принадлежащаго ему мѣста. Въ свое время, онъ благополучно пережилъ очень критическій періодъ въ творческой жизни писателя, періодъ не

выпадавшій, разумѣется, на долю всякаго. Очень усердные и очень увлекающіеся друзья принялись было чрезмѣрно его восхвалять. При такихъ условіяхъ, человѣкъ не достаточно уравновѣшенный поддавался бы соблазну считать себя гениемъ и сталъ бы катиться подъ гору. Между тѣмъ, этого не случилось и г. Чеховъ написалъ еще много хорошихъ вещей, вѣроятно, потому, что онъ меньше увлекался, нежели его друзья. Но вредъ преувеличенныхъ похвалъ можетъ сказаться теперь, въ томъ отношеніи, что публика, внезапно разочаровавшись, въ противовѣсъ этимъ похваламъ выставить теперь преувеличенное осужденіе.

Излагать содержаніе пьесы я не стану. О г. Чеховѣ стоитъ говорить, о его пьесѣ—нѣтъ. Что же касается исполненія, то одна г-жа Комиссаржевская играла хорошо. Это артистка съ большимъ дарованіемъ и поразительною силой искренности. Пожалуй, недурны были г-жа Дюжикова и г. Варламовъ, да, въ ничтожной роли, г. Панчинъ, но гг. Давыдовъ и Аполонскій ничего не могли сдѣлать изъ своихъ ролей, а гг. Сазоновъ и Писаревъ были болѣе, чѣмъ неудовлетворительны. Положимъ, г. Сазонову пришлось изображать совершенно невозможный типъ беллетриста, не то альфонса, не то глупаго, и, во всякомъ случаѣ, дрянного человѣка, и г. Писаревъ, по видимому, былъ сильно простуженъ,—но чувствовалось общее недовѣріе исполнителей къ ихъ ролямъ. Конечно, это обстоятельство не въ малой степени усугубило непріятное впечатлѣніе, произведенное пьесой.

Прозанъ.

[Голубовъ Д. П.]

м.чс.